

Александр Восьмой

Сказка: Паровоз
судьбы: рельсы сквозь
время

Александр Восьмой

**Сказка: Паровоз судьбы:
рельсы сквозь время**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Сказка: Паровоз судьбы: рельсы сквозь время / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Паровоз судьбы: рельсы сквозь время. Легендарный паровоз мчится по рельсам, которые проложены не только через пространство, но и через время. Каждый рейс — это прыжок в другую эпоху, и каждый раз город меняется. Герои попадают на борт, чтобы изменить прошлое, но обнаруживают, что каждое изменение имеет свою цену. Эпичность — в масштабе времени и пространства, в гигантских вокзалах, где пересекаются эпохи, и в бесконечных рельсах, уходящих за горизонт.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Сказка: Паровоз судьбы: рельсы сквозь время

Глава 1. «Вокзал, где время теряет берега»

Лира остановилась на краю площади — и на мгновение ей показалось, что земля под ногами дрогнула не от ветра, а от тяжести эпох. Площадь перед Центральным Вокзалом Эпох была не просто большой — она была *невозможной*. Её границы растворялись в дымке, будто кто-то стёр линии горизонта, и вместо привычной перспективы здесь царила бесконечность. По брусчатке, сложенной из плит разного цвета и фактуры — от тёмного базальта до полупрозрачного кварца, — скользили тени, и Лире чудилось, что это не игра света, а сами мгновения прошлого, пробирающиеся сквозь щели времени.

Вокзал возвышался над площадью, как стальная гора, выросшая из противоречий. Его купола, сплетённые из металлических рёбер и стеклянных панелей, пронзали облака, и сквозь них просвечивали странные закаты — одновременно розовые, как в XIX веке, и кислотно-бирюзовые, будто из далёкого будущего. Над главным входом висели гигантские часы, и их стрелки ползли в обратную сторону, словно пытались вернуть то, что уже ушло. Каждый тик отдавался в груди Лире глухим эхом, будто время стучало прямо в её сердце.

Внутри зал ожидания казался отдельным миром. Потолок терялся где-то высоко, в переплетении балок и паровых труб, из которых вырывались клубы пара, складываясь в призрачные силуэты городов, которых ещё не было или уже не существовало. На стенах мерцали табло: маршруты вспыхивали и гасли, названия станций сменялись быстрее, чем успевал моргнуть глаз, — «Древний Рим — через 3 минуты», «Город послезавтра — отправляется немедленно», «Эпоха, которой не должно быть — путь закрыт».

По залу бродили путешественники из разных веков. Старик в тяжёлой шубе и очках с бронзовой оправой тихо спорил с юношей в облегающем костюме из блестящей ткани, который, казалось, был соткан из света. Рядом женщина в платье из кружев и шестерёнок листала книгу, страницы которой перелистывались сами собой. Все они говорили шёпотом, будто боялись спугнуть время, но шёпот сливался в единый гул — шум эпох, перекачиваемый под сводами вокзала.

Лира сжала в кармане маленький медный ключ — единственную вещь, которую отец оставил ей перед исчезновением. На одной стороне ключа была выгравирована спираль, на другой — надпись, которую она так и не смогла расшифровать: «Там, где рельсы уходят за край мира». Она пришла сюда, потому что верила: если отец где-то есть, то именно здесь, на перекрёстке времён, она найдёт хоть какой-то след.

И вдруг гул, который Лира сначала приняла за шум вокзала, стал чётче, ритмичнее, глубже. Он не шёл ни от труб, ни от голосов — он шёл *из-под земли*, из-под плит площади, из-под рельсов, которые начинались у подножия вокзала и уходили в туман, где смешивались эпохи. Это был не обычный поезд. Это был «Паровоз Судьбы».

Его гудок прорезал пространство, как лезвие — резко, чисто, беспощадно. Туман над путями расступился, и на мгновение Лира увидела то, что скрывалось за дымкой: бесконечные рельсы, уходящие за горизонт, а по ним — машину, которая не принадлежала ни одной эпохе. Его котёл пульсировал паром, поршни двигались в странном, почти музыкальном ритме, а дымовая труба, казалось, пронзала само небо. Паровоз был размером с квартал: его колёса возвышались над крышами ближайших домов, а искры, вылетающие из-под них, не гасли, а превращались в крошечные вспышки времени — мгновения, застывшие в воздухе.

Машинист стоял на площадке перед котлом, скрытый в тени медной маски. Его фигура казалась одновременно человеческой и нечеловеческой — будто он был частью машины, а машина — частью его. Он не смотрел на Лиру, но, казалось, знал о её присутствии.

— Ты пришла за ответом, — прозвучал его голос, низкий и гулкий, как эхо в пустом зале. — Но здесь не раздают ответы. Здесь их зарабатывают.

Лира сделала шаг вперёд, чувствуя, как площадь под ногами снова дрогнула — на этот раз не от времени, а от её собственного решения.

— Я пришла за отцом, — сказала она твёрдо, хотя голос чуть дрогнул. — И я готова заплатить любую цену.

Машинист чуть наклонил голову, и в прорези маски мелькнул холодный свет.

— Цена здесь одна, — проговорил он. — Ты меняешь одно мгновение на другое. И каждое изменение оставляет шрам на ткани мира. Готова ли ты видеть эти шрамы?

Лира не ответила сразу. Она посмотрела на паровоз, на бесконечные рельсы, на часы, идущие назад, и поняла: этот вокзал не просто место, где встречаются эпохи. Это место, где время теряет берега — и где каждый, кто ступает на его плиты, рискует потерять и себя.

Но она не могла отступить. Отец ждал её где-то там, за туманом, на рельсах, уходящих за край мира.

— Готова, — сказала Лира, крепче сжимая ключ в кармане.

Машинист кивнул, и в тот же миг паровоз снова загудел — громче, мощнее, будто сам мир вздохнул перед прыжком. Пар окутал платформу, скрывая вокзал, площадь, всех путешественников. Остались только рельсы, ведущие в неизвестность, и паровоз, готовый сорваться с места.

Лира шагнула на подножку, чувствуя, как под ногами вибрирует металл — не просто от движения, а от самой сути времени. И когда паровоз тронулся, площадь перед вокзалом на мгновение вспыхнула всеми красками всех эпох сразу, а затем растворилась в тумане, оставив после себя лишь гул колёс и эхо уходящих мгновений.

Глава 2. «Свисток, что разрывает ткань времён»

Лира бежала по лабиринту переходов, где арки из кованого железа смыкались над головой, словно рёбра гигантского зверя. Под ногами дрожала брусчатка — не от её шагов, а от ритма, который задавал «Паровоз Судьбы». Этот ритм был чужд привычному миру: он не совпадал ни с биением сердца, ни с тиканьем часов, ни даже с ударами грома. Он был старше всех этих вещей — будто сам каркас времени подрагивал в такт движению машины.

Переходы выводили на верхнюю галерею, откуда открывался вид на главную платформу. Отсюда паровоз казался не просто огромным — он казался *невозможным*. Его котёл пульсировал паром, как живое сердце, выбрасывая в воздух струи, которые тут же сворачивались в спирали и исчезали, не оседая на стенах. Поршни ходили с такой силой, что от их движения дрожали опоры галереи, а стеклянные панели в сводах звенели, будто пытались предупредить: «Не подходи близко — здесь всё иначе».

Дымовая труба паровоза уходила вверх, пронзая слои облаков, и Лире на мгновение показалось, что она видит, как труба врежется в стратосферу, разрывая тонкую границу между эпохами. Колёса, размером с дома, стояли неподвижно, но вокруг них воздух мерцал, словно нагретый до предела. Искры, вылетающие из-под ободов, не падали вниз — они зависали в воздухе, превращаясь в крошечные вспышки света, каждая из которых была мгновением, вырванным из потока времени.

На площадке перед котлом стоял машинист. Его фигура терялась в тени медной маски, и только в узких прорезях мерцал холодный свет — будто внутри маски жили не глаза, а осколки звёзд. Он не смотрел на Лиру, но она чувствовала его взгляд, тяжёлый и внимательный, словно он считывал не только её движения, но и все её мысли, страхи и надежды.

— Ты пришла за одним рейсом, — проговорил машинист, и его голос прозвучал не как звук, а как вибрация, прошедшая сквозь металл, камень и саму ткань пространства. — Один рейс — одна попытка найти отца. Но запомни главное: нельзя менять прошлое ради себя. Любое вмешательство — это трещина в реальности. И эти трещины имеют свойство разрастаться.

Лира сжала в кармане медный ключ, чувствуя, как его острые грани врезаются в кожу. Она хотела спросить, что будет, если трещина станет слишком большой, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула.

— Я понимаю, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я не стану менять прошлое ради себя. Я просто хочу найти его. Узнать, что с ним случилось.

Машинист чуть наклонил голову, и в прорези маски мелькнул странный, почти человеческий оттенок — то ли сомнение, то ли тень печали.

— Иногда знание — это тоже изменение, — пробормотал он, словно говорил не с Лирой, а с самим временем. — Но ты уже сделала свой выбор, когда пришла сюда. Теперь остаётся только принять его последствия.

Он протянул руку в перчатке из потемневшей меди, и Лира, не раздумывая, вложила в неё свой ключ. Машинист повернул его в пальцах, и на мгновение металл засветился тусклым светом, будто впитал в себя все воспоминания, связанные с этим предметом. Затем он вставил ключ в небольшую панель на борту паровоза. Механизм щёлкнул, и машина будто вздохнула — глубоко, тяжело, как будто пробуждалась от долгого сна.

Поршни рванулись вперёд, и платформа под ногами Леры задрожала так сильно, что ей пришлось схватиться за перила. Пар вырвался из всех щелей, окутывая платформу густым туманом, в котором растворились очертания вокзала, галереи и даже самой реальности. В этом тумане не было ни прошлого, ни будущего — только бесконечное «сейчас», готовое разорваться на тысячи мгновений.

И тогда прозвучал свисток.

Это был не обычный звук. Он не просто разнёсся эхом по вокзалу — он *прорезал* пространство, как лезвие рассекает ткань. От этого звука у Леры зазвенело в ушах, а перед глазами вспыхнули тысячи образов: улицы, которых она никогда не видела, лица, которых не знала, города, которые ещё не были построены или уже давно исчезли. Свисток был не сигналом к отправлению — он был ключом, открывающим разлом между эпохами.

Рельсы под колёсами паровоза начали искриться, и эти искры были не просто вспышками света. Они высекали новые временные линии — тонкие, дрожащие нити, которые тянулись вперёд, назад и в стороны, сплетаясь в сложный узор, напоминающий паутину. Каждая искра была выбором, событием, возможностью, которая теперь становилась частью реальности.

Паровоз медленно тронулся с места, и Лира почувствовала, как мир вокруг неё начинает распадаться на фрагменты. Вокзал, галерея, платформа — всё это теряло чёткие очертания, растворяясь в мерцающем свете. Остались только рельсы, уходящие в туман, и паровоз, который теперь казался не машиной, а живым существом, пробуждающимся к своей истинной природе.

Лира шагнула на подножку, чувствуя, как металл вибрирует под ногами, передавая ей ритм движения сквозь время. Она посмотрела назад, туда, где ещё мгновение назад был вокзал, но теперь на его месте клубился туман, в котором мелькали отблески разных эпох. А впереди, за завесой пара, уже проступали очертания нового города — не такого, каким она его знала, а изменённого, искажённого, словно кто-то уже успел вмешаться в прошлое.

Машинист встал у рычагов, и его фигура на фоне пульсирующего котла казалась частью самой машины. Он не обернулся, но Лира знала: он чувствует её присутствие, как чувствует каждый поворот колеса, каждую искру, каждый миг, который они оставляли позади.

Паровоз набирал скорость, и рельсы под ним продолжали искриться, высекая новые линии времени. Свисток прозвучал ещё раз — короткий, резкий, словно предупреждающий о том, что пути назад больше нет. Лира крепче ухватилась за поручень, чувствуя, как ветер, несущийся сквозь эпохи, обжигает лицо.

Она не знала, куда приведёт этот рейс. Не знала, найдёт ли она отца или только новые загадки. Но одно она понимала точно: с этого момента её жизнь уже никогда не будет прежней. Потому что она пересекла границу между временами — и теперь должна была заплатить свою цену за каждое мгновение, которое попытается изменить.

Глава 3. «Город, который не должен был родиться»

Паровоз вынырнул из тумана времени с таким грохотом, будто сам мир треснул по швам, чтобы впустить его. Рельсы, по которым он мчался, не заканчивались на платформе — они просто растворялись в воздухе, уходя в никуда, а вокруг, насколько хватало глаз, раскинулся город, которого не могло существовать.

Лира прижалась лбом к холодному стеклу вагонного окна, пытаясь осознать увиденное. Город рос невширь, не вдоль русла реки, как положено любому разумному поселению, — он рвался вверх, закручиваясь в гигантские спирали. Башни, словно витые пружины, пронзали облака, их стальные рёбра переплетались, образуя сложные узоры, а между ними висели мосты, не опирающиеся ни на что: они просто парили в воздухе, удерживаемые не гравитацией, а какой-то иной, чуждой логике силой.

Когда паровоз окончательно остановился, Лира шагнула на платформу — и тут же почувствовала, как под ногами дрожит не металл, а само пространство. Воздух здесь был густым, почти маслянистым, и в нём плавали крошечные искры — не от паровых машин, а будто от самой ткани реальности, которая медленно, но неумолимо переписывала себя.

Рядом с ней появился Кай — вор из будущего, чьё появление на борту «Паровоза Судьбы» было столь же необъяснимым, как и этот город. На нём был плащ из тёмной ткани, усеянный медными заклёпками, а на запястье поблёскивал хронометр, стрелки которого бежали вразнобой, будто не могли договориться, какое сейчас время.

— Ну что, — протянул Кай, оглядываясь по сторонам с видом человека, который привык видеть невозможное, но сегодня даже ему было не по себе, — это место не просто «другая эпоха». Это место, которого не должно было быть. Смотри.

Он махнул рукой в сторону ближайшей башни. Лира проследила за его жестом и замерла. Башня не просто поднималась вверх — она *менялась*. Прямо на глазах её очертания слегка сдвигались, окна появлялись и исчезали, балконы вырастали и тут же втягивались обратно, словно здание не могло решить, каким ему быть. И это происходило не только с одной башней — весь город жил в этом странном, судорожном ритме, будто каждое мгновение спорило с предыдущим о праве на существование.

Они сошли с платформы на огромную площадь, которая, казалось, не имела постоянной формы. Только что под ногами была ровная брусчатка, выложенная в строгие квадраты, а в следующий миг мостовая начала изгибаться, образуя волны, затем — спирали, а потом и вовсе превратилась в каскад ступеней, уходящих вверх и вниз одновременно. Лира едва удержалась на ногах, когда ступенька, на которую она наступила, вдруг стала частью перил, а перила — частью стены.

— Площадь меняет форму каждый час, — пробормотал Кай, цепляясь за воздух, будто пытался ухватить ускользающую логику пространства. — Или каждую минуту. Тут время течёт иначе. Или вообще не течёт, а... корчится.

Лира достала из кармана медный ключ и поднесла его к глазам. На его поверхности мелькнули тонкие линии, которых раньше не было, — они складывались в странный узор, похожий на карту этого искажённого города.

— Смотри, — она протянула ключ Каю. — Он реагирует на это место.

Кай прищурился, разглядывая узор.

— Это не просто ключ, — проговорил он тихо, почти шёпотом, будто боялся, что город услышит. — Это компас. Он показывает, где реальность искривлена сильнее всего. Видишь эти линии? Они ведут туда, где кто-то уже успел вмешаться в прошлое.

Лира кивнула, чувствуя, как внутри сжимается холодный комок страха и решимости. Она пришла сюда, чтобы найти отца, но теперь понимала: она попала в город, который сам был ошибкой, следом чьего-то чужого вмешательства. И если она не найдёт зацепку, не поймёт, где и когда была нарушена ткань времени, этот город не просто продолжит меняться — он может поглотить всё вокруг, включая её саму и её поиски.

Они двинулись вперёд, стараясь держаться ближе друг к другу, потому что даже расстояние между ними казалось непостоянным: то оно растягивалось, то сжималось, будто пространство играло с ними. Мимо проплывали фасады зданий, на которых одновременно виднелись вывески на разных языках, из разных эпох: старомодные латунные таблички соседствовали с мерцающими голограммами, а под ними — выцветшие афиши, которых ещё не могли напечатать.

На перекрёстке, где сходились сразу три улицы (или одна улица, трижды изогнутая во времени), они заметили небольшую лавку, которая выглядела чуть более «настоящей», чем всё остальное. Её стены были сложены из тёмного камня, а над входом висела вывеска, буквы на которой не мерцали и не исчезали. Внутри, за прилавком, стоял старик в длинном фартуке, усыпанном шестерёнками. Он не смотрел на них, но, казалось, знал, что они здесь.

— Вы ищете то, чего не должно быть, — произнёс он, не поднимая глаз от книги, страницы которой сами переворачивались. — Или то, что уже было, но не должно было остаться. В этом городе всё наоборот.

Лира сделала шаг вперёд, чувствуя, как площадь под ногами снова дрогнула.

— Мы ищем зацепку, — сказала она твёрдо. — Что-то, что подскажет, кто менял прошлое. И где.

Старик наконец поднял голову, и Лира увидела, что в его глазах отражаются не просто блики света, а целые эпохи — мгновения, застывшие в радужке, как капли воды в янтаре.

— В этом городе зацепки сами находят тех, кто готов их увидеть, — проговорил он, протягивая руку и доставая из воздуха небольшой предмет — маленький стеклянный шар, внутри которого клубился туман, а сквозь него проглядывали очертания знакомых улиц, но слегка искажённые. — Это хроно-фрагмент. Осколок того, что было изменено. Он покажет вам место, где трещина в реальности самая глубокая. Но помните: каждый раз, когда вы смотрите в него, вы тоже оставляете след. И реальность может решить, что и вас не должно было быть.

Лира взяла шар, чувствуя, как он холодит ладонь. Внутри шара туман начал рассеиваться, и на мгновение проступила картина: огромная башня, стоящая в центре города, её шпиль пронзал небо, а у подножия виднелась небольшая площадь, форма которой казалась странно знакомой. Лира узнала её — это была та самая площадь, на которой они сейчас стояли, но в другом варианте, в той версии реальности, где город рос вдоль реки, а не вверх по спирали.

— Вот оно, — прошептал Кай, глядя на шар. — Сердце искажения. Если кто-то и менял прошлое, то именно там.

Лира подняла глаза на город, на его спиральные башни, на мосты, висящие в воздухе без опор, на площадь, которая продолжала менять форму, будто пыталась стряхнуть с себя их присутствие. Она знала, что впереди их ждёт не просто путь к башне — это будет путь сквозь саму логику реальности, сквозь её трещины и изгибы.

— Пойдём, — сказала она, крепче сжимая шар в руке. — Мы должны добраться до этой башни. Пока город не переписал нас самих.

Кай кивнул, и они двинулись вперёд, туда, где небо смыкалось с землёй в странном, искажённом объятии, а воздух звенел от напряжения, будто вот-вот должен был лопнуть, обнажив истинную, но давно забытую форму мира.

Глава 4. «Часы, что идут назад»

Путь к башне Главного Хронометра лежал через улицы, которые то и дело меняли направление, будто пытались запутать любого, кто осмелился идти прямо. Лира и Кай шагали вперёд, прижимаясь к стенам, потому что пространство между домами временами сжималось, грозя раздавить их, а потом вдруг расширялось так, что противоположный край улицы терялся в дымке. В воздухе висел низкий гул — не шум города, не рёв машин, а мерный, тяжёлый ритм, от которого дрожали рёбра и стучало в висках. Это были Часы.

Башня появилась на горизонте задолго до того, как они смогли разглядеть её детали. Сначала это была просто тёмная игла, пронзившая небо, затем — огромный силуэт, заслонивший полнеба, а потом она стала настолько близкой, что Лире показалось: если она поднимет руку, то коснётся шероховатой поверхности камня. Башня была видна из любой точки города — её не могли скрыть ни другие здания, ни туман, ни даже сама искажённая логика этого места. Её основание занимало несколько кварталов, и даже самые высокие спиральные небоскрёбы казались рядом с ней изящными, но хрупкими игрушками.

Когда они наконец вышли на площадь перед башней, Лира остановилась, поражённая масштабом. Площадь была не просто большой — она была устроена так, чтобы ничто не отвлекало взгляд от Часов. От края до края тянулись гладкие плиты, на которых не было ни трещин, ни узоров, ни следов времени — словно сама площадь отказалась от собственной истории, чтобы служить постаментом для механизма, который переписывал историю всего города.

Над башней нависал гигантский циферблат, в три раза выше любого дома в родном городе Лире. Его стрелки ползли в обратную сторону, и каждый их шаг отдавался в груди глухим ударом. Цифры на циферблате не были застывшими: они мерцали, перестраивались, иногда исчезали и появлялись снова, будто спорили друг с другом о том, какое время считать правильным. А под циферблатом, за толстыми стёклами, виднелся механизм — огромные шестерёнки, каждая размером со стадион, вращались, скрежеща металлом о металл. Их зубья были грубо выточены, будто их создавали не для точности, а для силы, чтобы удержать само время в повиновении.

Маятник висел в центре башни, скрытый за решётками и защитными кожухами, но его движение было видно даже издалека. Он раскачивался медленно, тяжело, с такой мощностью, что от каждого прохода земля слегка вздрагивала. Лира почувствовала, как вибрация поднимается по подошвам, проходит сквозь кости и оседает где-то в горле. Казалось, башня не просто отсчитывала мгновения — она выжимала их из реальности, заставляя город жить в ритме, который ему не принадлежал.

— Это не часы, — прошептал Кай, глядя вверх с выражением, в котором смешались восхищение и страх. — Это тюрьма для времени. Кто-то запер его здесь и заставил идти назад, чтобы переписать прошлое.

Лира кивнула, не отрывая взгляда от механизма. В её руке по-прежнему лежал хроно-фрагмент — стеклянный шар, который они получили от старика. Туман внутри него теперь не клубился хаотично: он тянулся к башне тонкими струйками, словно шар сам стремился к источнику искажения.

Они вошли внутрь через массивные ворота, которые, казалось, были выкованы из самой тишины. Внутри пахло горячим металлом, пылью веков и чем-то ещё — холодным, острым, как запах озона после грозы. Пространство внутри башни было устроено так, чтобы человек чувствовал себя крошечным: галереи вились вокруг механизма, но были настолько узкими, что приходилось прижиматься к перилам, чтобы не задеть вращающиеся детали.

Ли́ра осторожно подошла к одной из гигантских шестерёнок. Та вращалась против часовой стрелки, и от её движения воздух становился плотным, почти вязким. Ли́ра протянула руку и едва коснулась края зубца — и тут же почувствовала, как по коже пробежал электрический разряд, а перед глазами мелькнули обрывки чужих воспоминаний: незнакомые улицы, чьи-то голоса, вспышки света. Это было не её прошлое — это были фрагменты реальности, которую кто-то уже успел изменить.

Кай тем временем изучал панели управления, встроенные в стены. На них мерцали ряды рычагов и кнопок, а рядом висели таблички с надписями на разных языках, некоторые из которых Ли́ра не могла даже прочитать.

— Здесь всё построено так, чтобы запутать того, кто захочет что-то исправить, — пробормотал Кай, проводя пальцем по одной из табличек. — Смотри: эти рычаги не запускают механизм, они... удерживают его. Если дёрнуть не тот — весь город может схлопнуться в одну точку.

Ли́ра посмотрела на маятник. Его медленные, тяжёлые качания гипнотизировали. Ей вдруг показалось, что в тени механизма, там, где свет не доставал до пола, что-то шевельнулось. Она прищурилась, вглядываясь в темноту, и увидела очертания фигуры. Кто-то стоял там, скрытый в полумраке, наблюдая за ними.

Фигура шагнула вперёд, и Ли́ра разглядела человека в длинном плаще, лицо которого было скрыто под капюшоном. В руках он держал небольшой прибор — похожий на карманные часы, но с множеством стрелок, каждая из которых двигалась по своей траектории.

— Вы пришли остановить меня, — произнёс он спокойно, без вызова, скорее с усталостью человека, который слишком долго нёс свою ношу. — Но вы не понимаете, что будет, если я остановлюсь. Этот город — не ошибка. Это спасение.

Ли́ра сжала в руке медный ключ. Он едва заметно нагрелся, будто реагируя на близость того, кто управлял часами.

— Этот город искажён, — сказала она твёрдо, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Он переписывает сам себя. Если ничего не сделать, он поглотит не только себя, но и другие эпохи.

Человек в капюшоне чуть склонил голову, и в полумраке мелькнуло его лицо — усталое, старое, с глубокими морщинами, будто он прожил не одну жизнь, а сразу несколько.

— Я пытался спасти тех, кого любил, — проговорил он тихо. — Я изменил одно мгновение, чтобы спасти одного человека. Но время не терпит таких сделок. Оно требует плату. И этой платой стал весь город.

Ли́ра сделала шаг вперёд, не сводя с него глаз.

— Тогда помогите нам исправить это, — сказала она. — Мы не хотим уничтожать город. Мы хотим вернуть ему правильную форму.

Человек посмотрел на неё долгим взглядом, будто взвешивая каждое слово, каждую мысль, каждую надежду, которая жила в её голосе. Затем он медленно протянул руку и коснулся одной из панелей. Механизм над ними на мгновение замер, и в этой внезапной тишине Ли́ра услышала, как её собственное сердце бьётся в такт с маятником.

— Есть способ, — произнёс человек, не отводя взгляда от шестерёнок. — Но он потребует от вас выбора. Вы можете вернуть время на место, но часть города останется искажённой. Или вы можете позволить ему жить дальше, но тогда трещина в реальности станет шире. Нельзя исправить всё, не потеряв чего-то.

Ли́ра посмотрела на Кай, затем снова на человека в капюшоне. Она вспомнила отца, которого искала, и поняла, что и он, возможно, был частью чьей-то попытки изменить прошлое. Цена изменений всегда была высокой — и теперь она должна была решить, какую цену готова заплатить сама.

Она глубоко вдохнула, чувствуя, как воздух, пропитанный запахом металла и времени, обжигает лёгкие.

— Мы исправим сбой, — сказала она, выпрямляясь и глядя прямо на механизм, который пытался подчинить себе реальность. — Но постараемся сохранить то, что можно.

Человек кивнул, будто ждал именно этих слов. Он протянул ей прибор, похожий на часы, и показал, как синхронизировать его с маятником. Лира взяла его дрожащими руками, чувствуя вес не металла, а ответственности.

Кай встал рядом, готовый помочь, если что-то пойдёт не так. Шестерёнки снова начали вращаться, но теперь их движение стало чуть более плавным, менее агрессивным. Маятник качнулся, и на этот раз земля под ногами дрогнула не от угрозы, а от попытки найти равновесие.

Лира повернула одну из стрелок на приборе, и в тот же миг циферблат над ними вспыхнул ярким светом. Цифры перестали мерцать и замерли на одном значении, а стрелки, наконец, пошли в правильном направлении. Город вокруг них на мгновение замер, будто прислушиваясь к новому ритму, а затем начал медленно принимать свою истинную форму: спиральные башни слегка выпрямились, мосты опустились на опоры, а площадь перед башней перестала менять очертания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.